

ЗАЩИТА ПРИОСКОЛЬЯ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1672-1681 ГГ.

На протяжении XVII в. население юга России страдало от грабительских набегов крымских татар. Натиск атак ордынских хищников не был постоянен, он временами то стихал, то снова усиливался. Военная активность Крымского ханства обуславливалась, кроме прочих причин, вассальной зависимостью от Османской империи. Когда в 1672 г. Османская империя вмешалась в русско-польское противостояние, вступив в спор за контроль над украинскими землями, южная окраина Российского государства снова оказалась под ударом татар.

Новооскольский земляной вал

Напряженная обстановка на южной границе России побуждала московские власти обращать пристальное внимание на её защиту. Важным шагом на пути укрепления рубежей Отечества стало возведение Белгородской черты, завершённое в 1658 г. Пути следования татар вглубь страны были перекрыты выстроенной сплошной линией обороны, включающей в себя города-крепости, сторожевые острожки, различные инженерные сооружения: земляные валы со рвами, надолбы и засеки, а также естественные препятствия – леса, реки, овраги, болота. Черта укрепила военные позиции России на южном приграничье и отвела угрозу от центральных областей.

В ходе строительства черты в 1647 г. были основаны города Царёв-Алексеев (с 1655 г. Новый Оскол. – А. Ч.) и Верхососенский (современное село Верхососна Красногвардейского района Белгородской области). Вот как был представлен город Верхососенский (в некоторых документах Верхососенск. –

А. Ч.) в первые годы существования: «Город Верхососенской стоит блиско Сосенского лесу, ставлен острогом. А в городе башня проезжая, Царевские ворота, 4-х стенная, на ней караульной шатер. От тое башни острогу до наугольные башни 28 сажен с полусаженю. Башня наугольная 4-х стенная, на башне верх шатровой. От тое башни острогу до проезжие башни, что на углу, 59 сажен. Башня проезжая, словут Водяные ворота, 4-х стенная. На башне верх шатровой. От тое башни острогу до наугольные ж башни 48 сажен. Башня наугольная 4-х стенная. На башне верх шатровой. От тое башни острогу до наугольные ж башни 58 сажен с полусаженю. Башня наугольная 4-х стенная на башне верх шатровой. От тое башни острогу до проезжия башни 28 сажен с полусаженю. А в городе съезжая изба, казенной погреб, воеводцкой двор. Да для осадново времени клети и анбары всяких жилецких людей. В городе ж колодез, струба до воды 12 сажень, воды в колодезе полсажени с получетью. С трех сторон города выкопан ров, а около рву бит частич, а кругом частичу надолобы двойные, а надолоб 312 сажен с полусаженю. С четвертую сторону города против Водяных ворот в бояраке пруд. Да кругом города ж и под заповедным лесом слободы жилецких людей»¹. Итого в остроге стояло 5 башен (2 из них проезжие), периметр стен составлял 222 сажени.

Крепость Царёва-Алексеева имела 13 шестистенных башен, из них 4 с воротами. Длина острожной городской стены по строельной книге 1647 г. составляла 569 саженей. Изнутри стена была укреплена тарасами. С внешней стороны острог был окружен рвом. Гарнизон города располагал 26 пушками.

Новые города на черте заселялись путём переселения на «вечное житье» ратных людей и «охотников» из разных русских городов. Переселение тяжело ударяло по хозяйству служилых людей и вызывало протест с их стороны. Бегство «сведенцев» из городов было обычным явлением. Структура населения городов в 1650 году выглядела следующим образом:

в Царёве-Алексееве: детей боярских – 180 человек, драгунов – 350 человек, казаков – 501 человек, стрельцов – 186 человек, пушкарей, затинщиков и воротников – 62 человека, всего конных и пеших – 1279 человек;

в Верхососенском: детей боярских – 153 человека, казаков – 150 человек, стрельцов – 156 человек, пушкарей и затинщиков – 31 человек, всего конных и пеших – 490 человек.

На особо опасных участках Белгородской черты возводился защитный земляной вал. Вал между Новым Осколом и Верхососенским пересекал западные ответвления Кальмиусской сакмы и ответвления Изюмской сакмы, приходящие от перелазов на реке Оскол. В 1669 г. П. Зиновьев и А. Еропкин описали укрепления Белгородской черты. Длина вала между Новым Осколом и Верхососенском по их измерению составила 12 вёрст 638 сажений (около 27 км). Размеры вала в сечении: высота – «две сажени без чети» (3,7 м), ширина у основания – 3 сажени (6,4 м), ширина вверху – полсажени (1,1 м). За валом находился глубокий ров. От осыпания и размыва дождями вал с «крымской» стороны укрепили дубовыми бревнами – «ослоном». На новооскольском участке вала (9 вёрст 200 сажений/19,6 км) было сделано 10 земляных городков, 3 из которых имели деревянные башни. В районе речки Серебрянки вместо вала стоял дубовый острог с тарасами длиной 162 сажени (село Яковлевка. – А. Ч.).

Продолжение земляного вала относилось к военной зоне Верхососенска. До речки Сосёнки на валу находилось 8 земляных городков. На заливном лугу у Сосёнки вал обрывался и продолжался тарасами. От Сосёнки (село Красное. – А. Ч.) черта поворачивала на северо-восток к лесу и городу Верхососенску. На валу между речкой Сосёнкой и заповедным Верхососенским лесом было устроено 5 земляных городков. В конце вала размещался «деревянный городок». От городка в лес уходила линия надолб. От Верхососенска Белгородская черта поворачивала к югу и шла через Верхососенский лес к Тихой Сосне. В лесу

проходу неприятеля препятствовала засека – завал из срубленных, сваленных деревьев, протяжённостью 6,5 км и 100 м шириной. От Гридякинского острога начинался Усердский участок черты². На валу несли караульную службу новооскольцы и верхососенцы.

Данные об исследуемом участке черты дополняет «ропись» воеводы Царёва-Алексеева Ивана Алферьева, который в 1648 г. продолжил строительство города и полевых укреплений. Под городом по обе стороны Белого Колодезя воевода устроил дворами дворян, детей боярских, драгунов, черкас, казаков, стрельцов, станичников, пушкарей, затинщиков и воротников, всего 934 человека. Посад, поля и пастбища для домашнего скота строители огородили линией надолб с башнями. От реки Сосёнки до Гридякина леса поставили надолбы в 2 ряда с двойными связями 1350 саженой (3 км), у надолб соорудили 2 башни. По Гридякину лесу, в Праворотье, к Большому Сосенскому лесу сделали 4 ряда надолб со связями 360 саженой, у надолб построили башню. В каждой башне дежурили по 10 конных сторожей³.

В начале XX в. воронежский краевед Евгений Марков проехал вдоль Тихой Сосны и описал сооружения черты⁴. От засеки Верхососенского леса до слободы Красной краевед увидел слева от дороги хорошо сохранившийся земляной вал, поросший зелёным дёрном. Он отметил, что рвы выкопаны с обеих сторон вала, причём с южной стороны, откуда ожидали нападения неприятеля, ров несколько глубже. Вероятно, ров с «русской» - северной - стороны образовался, когда выравнивали, подсыпали вал при ремонте. На протяжении этого участка через каждые полверсты находятся пять земляных городков, примкнувших к валу с «крымской» стороны. Все они имеют не более 25 шагов с каждой стороны, насыпи их немного выше основного вала, в середине довольно глубокие ямы. По предположению Маркова, это уцелевшие основания «земляных башен», в которых дежурили караульщики. По скату в наружный ров краевед насчитывал по 15 и 18 шагов. Село, лежащее неподалеку

от вала, у опушки леса, носит характерное название «Завальское». Вал прекращался около речки Сосёнки и опять продолжался за мостом, на горе, такой же сплошной цепью высоких насыпей, с такими же частыми земляными городками вплоть до самого города Нового Оскола. Дорога из Бирюча в Новый Оскол была проложена рядом с валом, с его северной стороны.

Земляные валы Белгородской черты показаны на Плате Генерального межевания. Это позволяет с достаточной точностью определить их месторасположение и показать на современной карте. В настоящее время вал большей частью распахан, наблюдается лишь в отдельных местах.

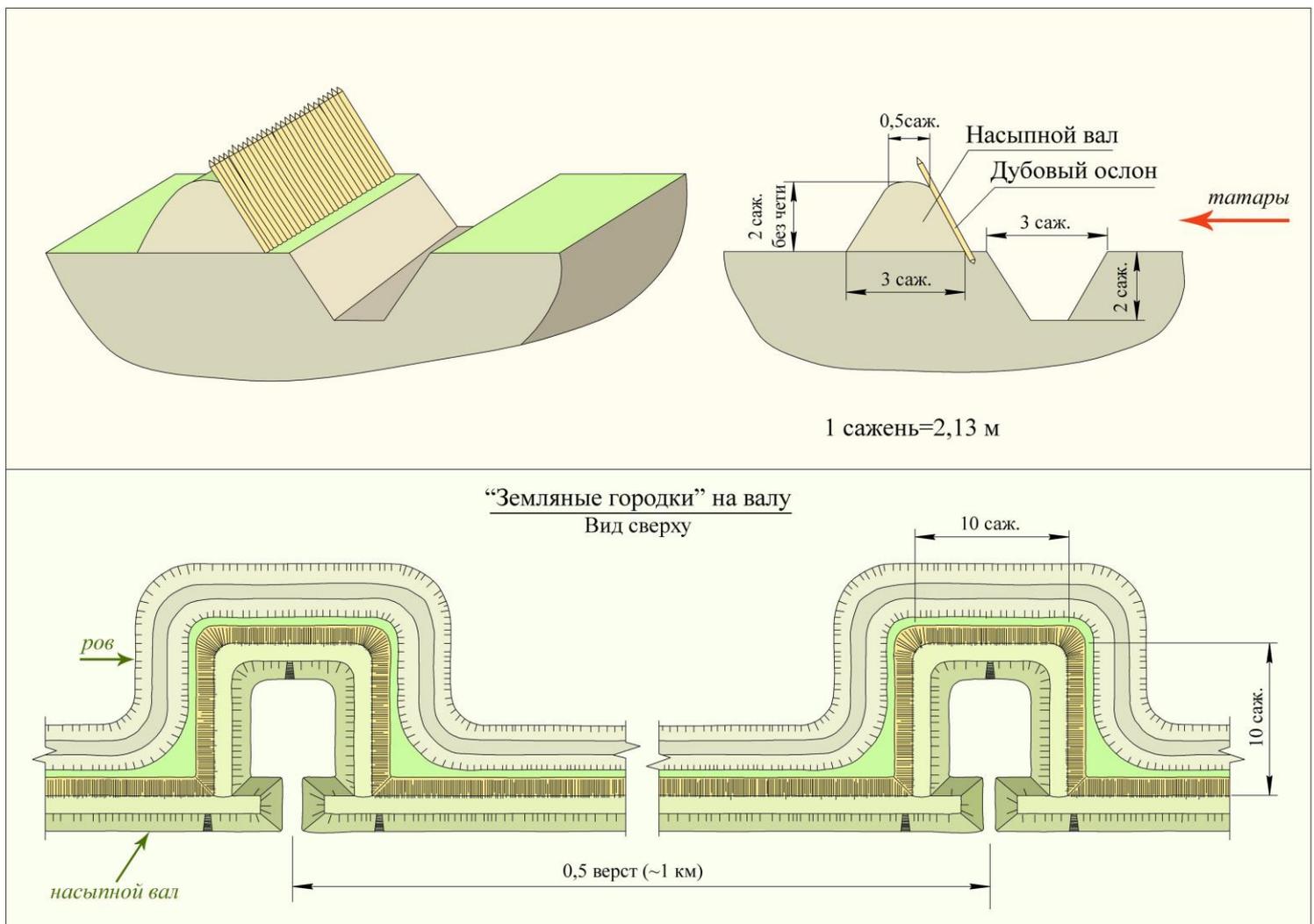
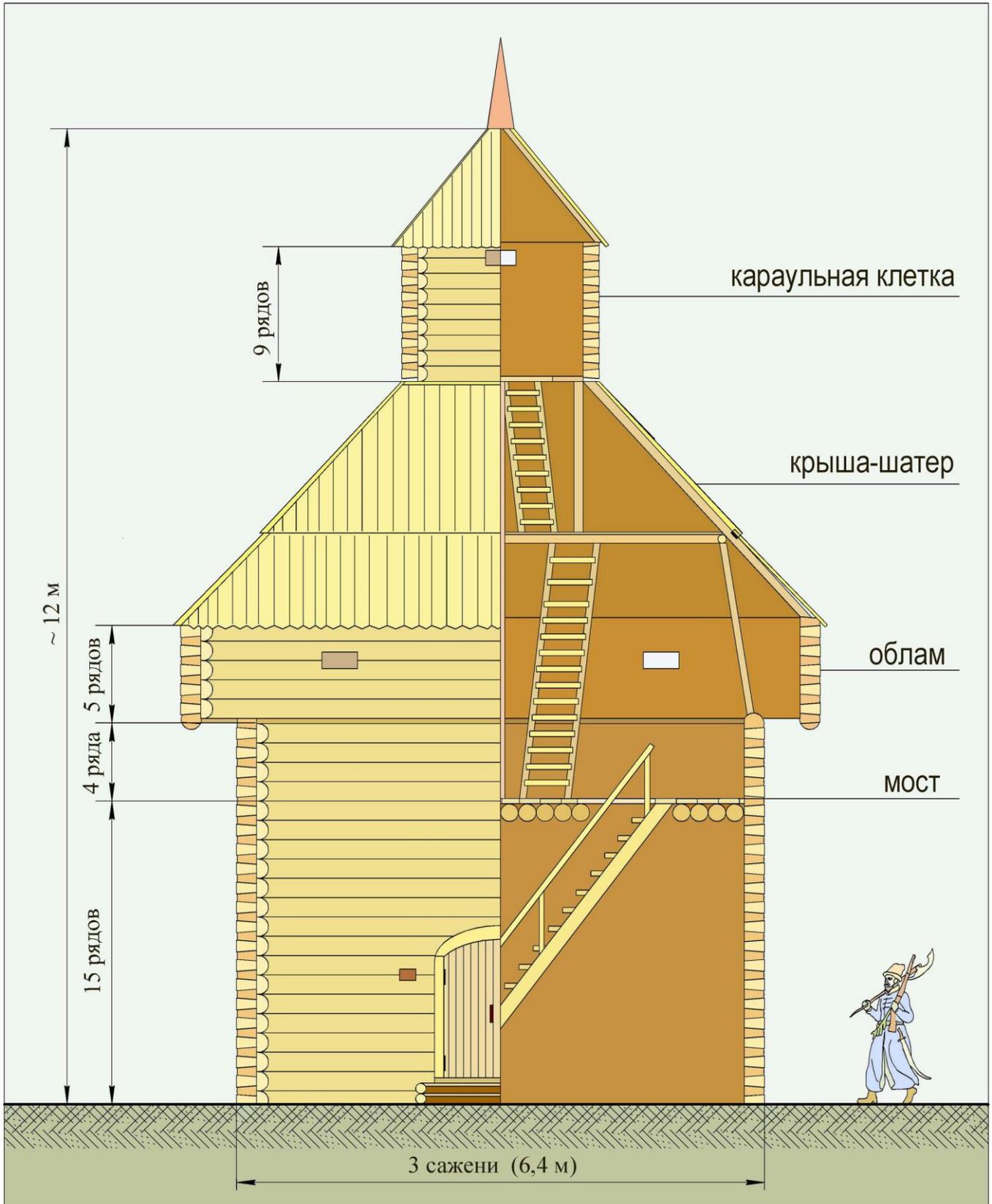

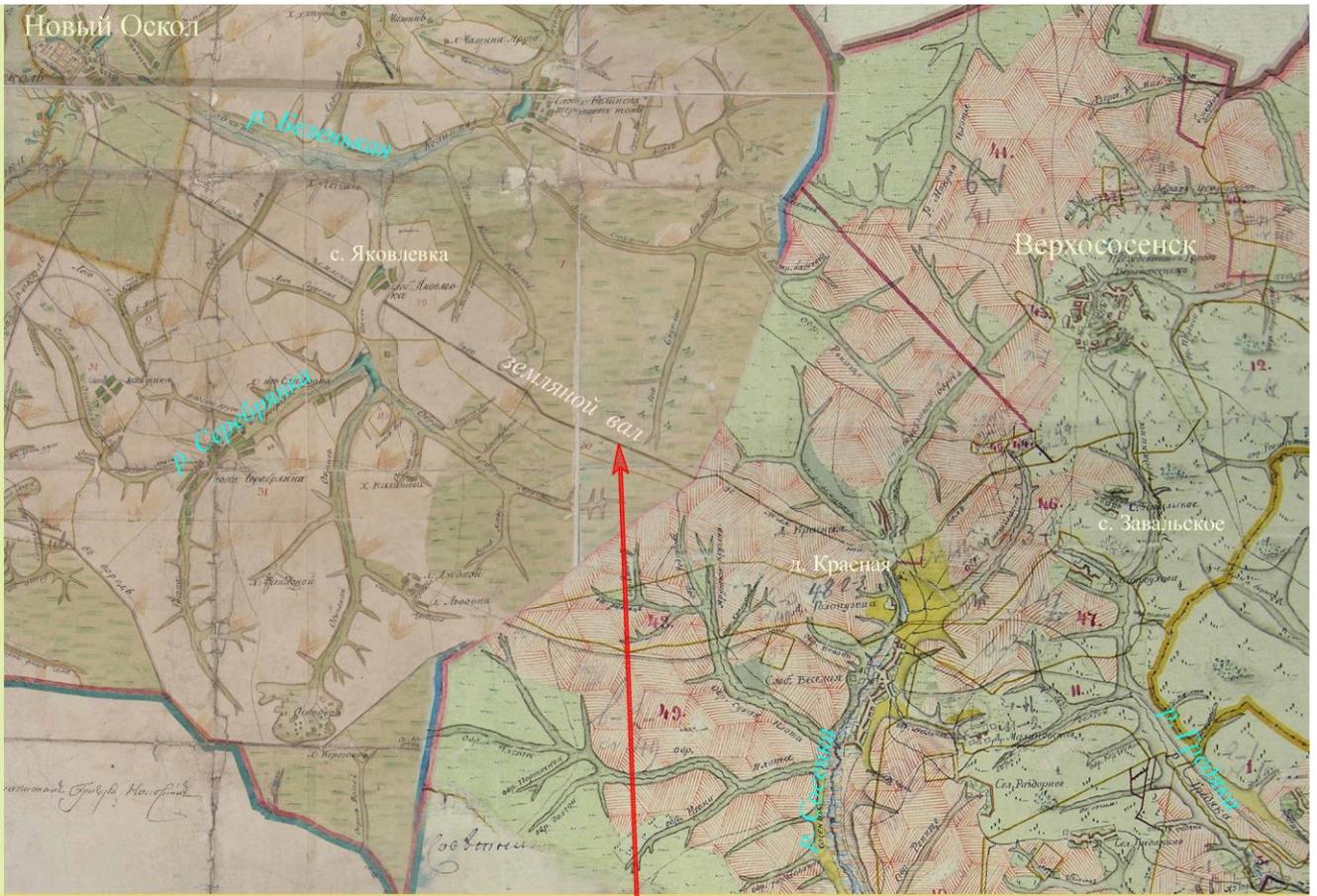
Чертёж защитного земляного вала XVII в.

Реконструкция автора

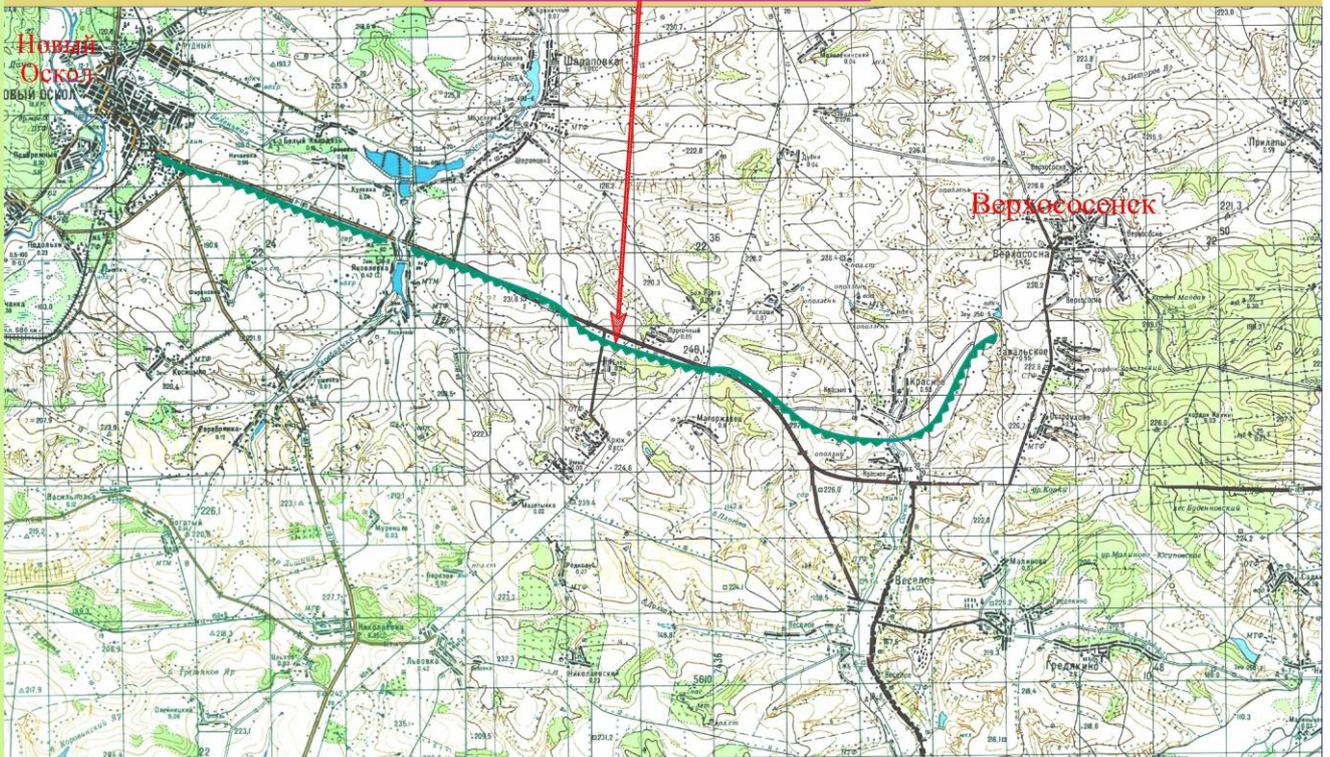
Караульная башня.
Реконструкция автора

Планы Генерального межевания
Новооскольский и Бирючанский уезды Воронежской губернии, 1790 г. Фрагмент

земляной вал Белгородской черты
Новый Оскол - Верхососенск

Карта Белгородской области
Новооскольский и Красногвардейский районы. Фрагмент

Привязка Новооскольского вала к современной карте.
Реконструкция автора

Ров и вал в районе села Яковлевки.

Фото Ю.Н. Ткаченко, 2010 г

В августе 1659 г. через Новооскольский вал уходил из Руси хан Мехмед Гирей с ордой. Вторжение объединенной казацко-татарской армии охватило огромную территорию. В 18 городах и уездах были убиты 379 человек, захвачены в полон 25500 человек, сожжено около 5000 дворов. Хан вышел за вал между Верхососенском и Усердом, от реки Тихой Сосны перешёл на реку Волуй и к верховью речки Полатовки, далее проследовал через реку Калитву⁵.

27 июня 7180 (1672) г. в Разряде в присутствии верхососенского приказного человека Зиновия Львова расспрашивали новооскольского таможенного и кабацкого откупщика Ивана Пупынина. Ту же информацию он потом сообщил Совету Поля. В частности, он сказал, что от речки Сосёнки к Новому Осколу выгорело по земляному валу деревянных крепостей с полторы версты. Земляной вал во многих местах размыло водой. А в каком году те крепости горели, того Иван не ведал. О разрушении вала стало известно в

Курске воеводе Белгородского полка Г.Г. Ромодановскому. В срочном порядке воевода послал ротмистра рейтарского строя Дмитрия Монакалова выяснить, сколько, в каких местах «и при каких людех те крепости погорели и водою подмыло, и чьем небереженьем то учинено». После возвращения ротмистра результаты обследования, «скаску и роспись досмотра» Ромодановский переслал в Разряд. Приказным людям городов Верхососенского и Нового Оскола воевода повелел валовые крепости «починить и вновь зделать» силами местных жителей, потому что «поруха» произошла по их вине⁶. Почему-то никто в Разряде и в Верхососенском не вспомнил, что вал мог быть разрушен 13 лет назад ордой Мехмед Гирея. Сведений о ремонте Новооскольского вала осенью-зимой 1672-1673 гг. нам найти не удалось. Скорее всего, никакие работы на валу не проводились.

Белгородский полк

Одновременно с завершением строительства Белгородской черты в 1658 г. было сформировано крупное воинское соединение – Белгородский полк и учрежден Белгородский разряд – военно-административный округ с центром в Белгороде, в 1670-х годах перенесённый в Курск. Белгородский полк включал в себя полки «нового строя» (рейтары, драгуны, копейщики, солдаты), подразделения московских стрельцов, дворянской конницы и полки украинских казаков (черкас). Структура и численность полка не были постоянными и с годами менялись. Полк принимал самое непосредственное участие в охране полевой окраины страны, в войнах с Польшей и Турцией. Формировался он в основном из населения городов Белгородского разряда. Это было полурегулярное войско: после окончания похода служилые люди распускались по домам до объявления нового сбора.

По «разборным» книгам 1675 г. в Белгородском полку на учёте состояли 19276 копейщиков рейтар, драгун и солдат. Налицо в строю присутствовали 13568 человек.

Структура Белгородского полка в 1677 г.:

Копейный полк стольника, полковника Григория Косагова – копейщиков с трубачами и литаврщиками 1364 человека.

Рейтарский строй:

Генерал-майор Франц Ульф - рейтар 774, солдат 1839;

полковники:

Михаил Гопт – рейтар 1227,

Иоган Скальбрехт – 601 чел.,

Никита Дромонт – 1167 чел.,

Петр Скоржинской – 1601 чел.,

Григорий Полтев – 865 чел.,

Петр Страмичевской – 1046 чел.,

Яган Баров – 682 чел.

Драгунский полк Любима Вязевского – 863 чел.

Солдатские полки:

Елисей Кро – 1247 чел.,

Артемий Росформ – 940 чел.,

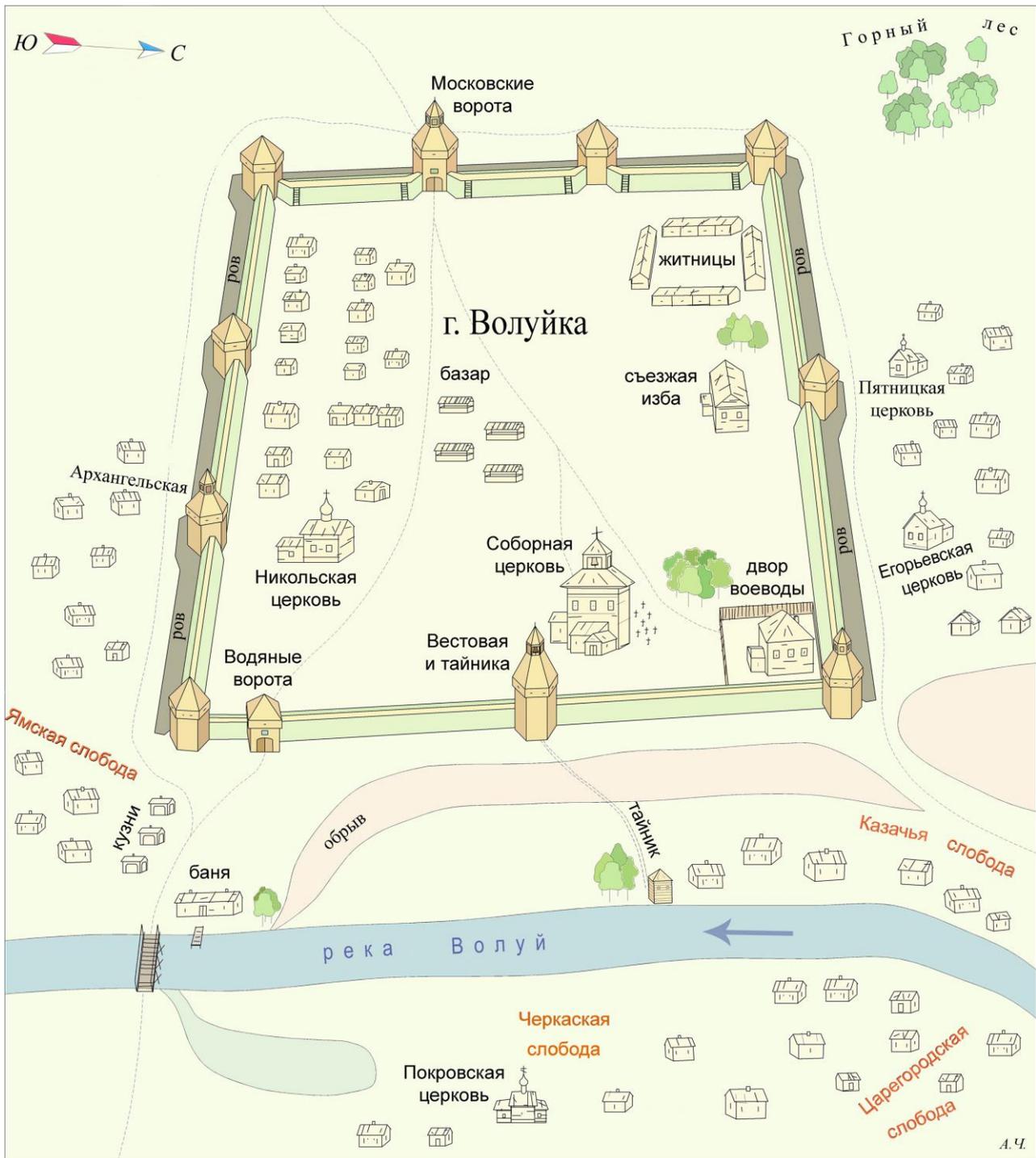
Виконт Крыгер – 1453 чел.,

Самойла Вестов – 1343 чел.,

Иван Англер – 1445 чел.

В шквдроне копейного полка полковника Еремея Андреева сына Марлина – 858 рейтар⁷. Как видим, командовали подразделениями в основном иностранцы.

179/230 ч., пушкари и затинщики – 68/59 ч., черкасы – 45/42 ч., ямские охотники – 20/67 ч., кузнец. Всего, 679/908 человек⁸. Отличительная особенность Волуйки от других украинских городов – отсутствие детей боярских, служилых людей «по отечеству».

План города Волуйки второй половины XVII в.

Реконструкция автора

В мае 1672 г. в Разрядный приказ начали приходить сведения о появлении под «польными» городами (городами «на Поле». – А. Ч.) татар. Помимо Москвы информация о набегах поступала в Курск к боярину и воеводе Белгородского полка князю Г. Г. Ромодановскому. Он оценивал обстановку и принимал меры по организации защиты приграничных территорий. Одно из таких известий пришло от волуйского воеводы Ермолая Баскакова. 11 мая 1672 (1672) г. в 5-м часу дня под городом Волуйкой появились «воинские люди, татаровья». Сто тридцать ордынцев вышли из степи у речки Ураевой, проломали полевые крепости и проникли к городским слободам, где захватили в плен пять волуйчан и отогнали стада лошадей и других животных. По вестям из Волуйки воевода Г.Г. Ромодановский направил из харьковского полка Григория Донца сотника Ивана Лашенко с 400 казаками «стоять от Поля для береженья». Также он написал в Белгород товарищу своему окольному и воеводе П. Д. Скуратову и повелел выслать к сотнику в прибавку ратных людей. Сотник с казаками встал на речке Водолаге (Харьковская область, Украина. – А. Ч.) и посылал станицы на разведку в степь, «в дальние места». В июне харьковчане нигде воинских людей не встречали, никакой «сакмы» – дороги не переезжали. Для охранения и ведения поиска на местах были оставлены черкаские полки: в Острогжском полковник Герасим Карабут, в Ахтырском Демьян Зинов, в Балаклее Яков Черниговец⁹.

Государь Алексей Михайлович гневался на воеводу Баскакова: «И то ты учинил глупостью своею, и нерадением, что татаровья приходили к Волуйке безвесно, и крепости проломали твоим небереженьем». В вину ему было вменено то, что он не пытался взять «языка», не выступил в поход за неприятелем и не освободил захваченных пленников и скот. На будущее наказано, чтобы «не плутал и жил на Волуйке с великим береженьем и опасеньем». «А если впредь твоею оплошкою и нерадением воинские люди к Волуйке придут безвестно, ... и тебе за это от нас, великого государя, быти в великой опале»¹⁰.

После майского набега татар на Волуйку в 1672 г. из Разряда были посланы грамоты в Белгород, из Белгорода в города по черте: от Белгорода вправо к малороссийским городам – в Болховой, Карпов, Хотмышский, Вольный, Олешню, Ахтырский, Боровню, от Белгорода налево к Тамбову – в Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенский, Усерд. За черту – в Волуйку, Чугуев, Нежегольский, Салтов, Колонтаев, Царёв-Борисов, Змиев, Маяцкий, Мурафу, Валки, Харьков. В Воронеж, с Воронежа - на Усмань, Костенский, в Орлов городок. На Коротояк, а с Коротояка – в Острогожский и Ольшанский. Грамота в каждый город содержала наказ воеводе о службе, а именно: «Жить с великим береженьем и опасеньем, не так, как учинил на Волуйке Ермолай Баскаков, и про приход воинских людей проведывать всякими обычаями, и вестовщиков в города дальние и ближние посылать, и отъезжие дальние и ближние сторожи держать, чтоб воинские люди безвечно не пришли, и людей не побили, и в полон не поймали, и стада конские и животинные не отогнали».

В случае появления недалеко от города «небольших» воинских людей воеводе со служилыми людьми предписывалось идти за ними в поход, не забывая при этом об осторожности: «... промысел и поиск чинить ис крепостей, смотря по людям и по тамошнему делу, чтоб себя и ратных людей уберечь». За невыполнение наказа предусматривалось наказание: великая опала и разоренье «безо всякого милосердия и пощады». О всех вестях воеводе следовало незамедлительно писать в Москву, отписки в Разряде подавать думным дьякам Василию Семёнову, Семёну Титову и Петру Ковелину¹¹.

2 июня под Волуйкой вновь появились татары. Пришли они, как в предыдущий раз, из степи от речки Ураевой, проломали полевые крепости и под слободами отогнали стада домашнего скота. С добычей татары отправились к реке Белой Калитве. На следующий день в город вернулись с Дона волуйчане Михаил Карелин и Потап Гребенкин. Воеводе Е. Баскакову они рассказали, что из верхних городков казаки привезли в Бабий городок записку. В тексте записки говорилось, что калмыцкий Бок-мурза со своим улусом покинул кочевья и, соединившись с крымским ханом, пошёл вниз по

Дону, имея намерение переправиться через реку ниже Черкасского городка, под Азовом. А своих калмыков мурза отпустил в войну под русские города. По пути с Дона волуйчане Михаил и Потап во многих местах переезжали сакму воинских людей, по их предположению, калмыков. Они также видели у речки Ураевой, у Богатого лога, в 20 верстах от Волуйки, на стоянке отряд из 200 татар. В начале июля вышел из полона житель Царёва-Борисова Серёжка Черепин, которого пленили под Волуйкой. Он рассказал, что татар с волуйским полоном на стане у речки Тозловой (недалеко от Азова. – А. Ч.) разбили калмыки. Полоняников и угнанный скот они отбили и отпустили на Дон. С Дона полоняники вернулись в Волуйку и другие города.

Воевода Баскаков опасался новых нападений и докладывал в Разряд, что в городе малоллюдно по причине высылки всех волуйских рейтар в полк. Ходить в походы за воинскими людьми, оберегать город, государеву казну, слободы и полевые крепости ему не с кем. Воевода Ромодановский сообщил в Разряд иные данные, что волуйские рейтары на службу в Белгород не высланы и все находятся в Волуйке. «И на нас, холопей твоих, писал он ложна. А он, Ермолай, никакого береженья от прихода воинских людей не держал. А теми служилыми и волуйчены жилецкими людьми от таких малых людей город и крепости оберечь было мочно»¹².

Для охраны Волуйки от татарских набегов по государеву указу направлялись из Острогожского полка Г. Карабута сто человек с переменной помесечно. В Волуйку по 30 июля никто из полка не пришёл, о чём воевода Е. Баскаков незамедлительно доложил в Москву. Из Разряда письменно указали Г.Г. Ромодановскому выслать в город ратных людей, «по-своему усмотренью тотчас, чтоб на Волуйке было небезлюдно»¹³.

Военные действия в Приосколье весной 1673 г.

В августе 1672 г. турецкая армия вторглась в Правобережную Украину и нанесла поражение польской армии под Каменец-Подольским. В Москве

опасались похода турок на Киев и Левобережную Украину, находящихся под российским контролем. Царь с боярами осудили насильственные действия захватчиков, объявили о сборе чрезвычайного налога и приготовлении к войне и решили не дожидаться вторжения турок, а предупредить его.

В начале 1673 г. от короля Польши к гетману Правобережной Украины Пётру Дорошенко поступило предложение, чтобы «он, Дорошенко, от турецкого салтана отступил, и был под его королевским величеством. А вольностями пожалует его, чего он похочет». Польский король послал послов к турецкому султану. Султан им сказал, что «будет де они с его слугою верным, з Дорошенком, учинят перемирие, и он воевать их не будет». Казаки Запорожского войска перехватили посланников Дорошенко на пути в Крым и отвезли к гетману Ивану Самойловичу. В Разрядный приказ поступали сообщения с правой стороны Днепра, что под Киевом никаких неприятельских людей нет¹⁴.

В Лубны из Сечи с рыбной ловли возвратился местный казак. Он поведал, что 700 запорожских казаков пошли под Перекоп за «языками». По пути им встретился возвращающийся из Крыма полоняник, который сказал, что через Перекоп переправился турецкий султан с 20 тысячным войском. А на той стороне Перекопа стоит крымский хан с 30 тысячами татар. Две недели они ожидают возвращения разведчиков, которых послали за русскими «языками». С этими вестями запорожские казаки воротились назад¹⁵.

Полномасштабная военная агрессия Турции против России началась весной 1673 г., когда по приказу турецкого султана крымский хан Селим Гирей с полчищами татар пытался разрушить укрепления Белгородской черты и вторгнуться в Россию. По донесениям воевод и приказных людей из разных городов можно восстановить картину набегов в апреле-июне 1673 г.: из Нового Оскола Григория Мезинцева, из Верхососенского Ивана Секиотова, из Усерда (современное село Стрелецкое Красногвардейского района Белгородской области) Михаила Бешенцева, из Волуйки Ермолая Баскакова, из Ольшанского (современное село Верхне-Ольшан Воронежской области) Михаила Иевлева, из

Маяцкого (современное село Маяки Славянского района Донецкой области) Максима Веденева.

Волуйский воевода Ермолай Баскаков сообщил в Разрядный приказ об участвовавших приходах «воинских людей» (так русские называли военные силы неприятеля. – А. Ч.) под город. Днём 19 апреля выше города на пашнях и хуторах у реки Волуйки около 300 татар закололи трёх пастухов, взяли в полон двух женщин с детьми, у «пчелинцов» (пчеловодов) отогнали лошадей и скот. В тот же день на Кальмиусской сакме воинские люди напали на проезжую станицу (конный отряд пограничной службы из 6 человек: 1 станичный атаман и 5 ездовых. – А. Ч.), Сидора Чоботова закололи. Его товарищи укрылись в лесу. Как правило, разъезды станичников не вступали в открытый бой с превосходящим по численности противником. Когда же это происходило, то спастись нередко приходилось бегством, да и то не всегда это удавалось. На Изюмской и Савинской сакме воинские люди взяли в плен станицу Афанасия Забобурина. Афанасия и Сидора Певцова в тот же день «отбили», а Никиту Пригарина и его товарищью татары увели за Северский Донец. Вернувшиеся домой станичники, сказали, что на них напали примерно 200 татар. Вероятно, основной целью отряда ордынцев являлось взятие «языков» и выявление мест концентрации русских войск накануне главного вторжения.

Ночью 14 мая прибежал в Верхососенский станичник Мишка Шершунов и сообщил воеводе, что через реку Сосну «перелезли татаровя, многия люди». На разведку из города воевода послал станичников, но их взяли в плен. 15 мая татары действовали одновременно по нескольким направлениям. За усердскими крепостями они форсировали реку, скорее всего, по «старой посольской гати». В былые времена через «гать» переправлялись государевы послы, ехавшие в Крым. Ордынцы преодолели засеку в заповедном лесу, вышли к посаду Верхососенского и в четвёртом часу дня вступили в бой с гарнизоном крепости. В схватке погибли 1 татарин и 2 верхососенских казака. Другой отряд неприятеля от переправы направился к Гридякину городку, к усердским хуторам и пасакам. В урочище у реки Сосны, на броне под Раздорным¹⁶, в 10

верстах от Усерда, городские и уездные усердяне вступили с врагом в бой, который продолжался с третьего часа дня до вечера. Русские воины отступили к крепостям. А татары ушли к верховьям реки Волюя и встали лагерем. Оттуда они совершали набеги под город и через реку к крепостям на черте.

15 мая в Новый Оскол к Григорию Мезинцеву прибежал гонец из Верхососенского казак Сенька Донской. Он рассказал, что во втором часу того же дня татары числом 200 и больше человек раскопали вал и прошли через него, сожгли караульную проезжую башню и по обе стороны от башни 20 сажений дубового ослона вала. Караульщики отступили в лес. Далее татары двинулись к посаду Верхососенского. На глазах у Сеньки они убили 6 местных жителей, нескольких человек взяли в полон и угнали скот. Из города на татар выступил Иван Секиотов с людьми городской службы. В бою троих защитников ранили и пленили. Бежавший из плена стрелец Ермошка Донской показал, что за рекой Сосной, от Верхососенского в 12 верстах, стоят «кошем» 2000 и более татар. Такое же количество противника указали в своих отчётах усердский воевода М. Бешенцев и волуйский Е. Баскаков.

В Новооскольском уезде события разворачивались следующим образом. 17 мая из караула прибежал в Новый Оскол к Григорию Мезинцеву сын боярский Моисей Востриков и доложил, что ночью в 9 верстах от города пришли к валу татары, прокопали его и пошли войной в деревни и села Верхососенского и Усердского уездов. Григорий Мезинцев с новооскольцами городской службы выступил в поход. У речки Серебрянки отряд разделился: вперед пошёл стрелецкий и казачий голова Игнат Васютин с 300 служилыми людьми, а сам Григорий «для всякого остерега» остался на Серебрянке. Отряд головы у сторожевого городка Крюка столкнулся с возвращающимися после грабежа в Верхососенском татарами, численностью 200 человек. В завязавшейся схватке государевы ратники многих татар убили и ранили. У русских погибли два человека. Новооскольцы выбили врага с «русской» стороны вала (северной. – А. Ч.) и в свой уезд не пропустили, а угнанные стада отбили.

Новопостроенный город Полатов (современное село Палатово. – А. Ч.) штурмовали около 500 татар «со всех сторон многое время», покололи много людей и отогнали весь скот. После Полатова крымчане направились вниз по речкам Волую и Сенной, где разорили пчельники и хутора, убили двух «гулящих» волуйчан, взяли в плен женщину с детьми и отогнали животину. По речке Полатовой они пожгли все пчельники. Из города на поиски врага выходил голова Кузьма Шеховцов со служилыми волуйчанами. От Волуйки татары ушли степью к Донцу. 16 мая на Изюмской и Савинской сакме у реки Бурлук в плен к татарам попали двое волуйских станичников. Тем временем воеводе Е. Баскакову из Маяцкого поступили вести о переходе 15 мая через Донец 1500 татар и движении их в сторону Волуйки и других украинских городов. С Дона казаки сообщили о прохождении на Русь многих воинских людей. Вероятно, одни отряды с награбленной добычей возвращались в Крым, а другие выдвигались к русским городам. 20 мая 300 ордынцев форсировали реку Оскол в устье речки Уразовой, проникли на Козину поляну и на волуйских пчельниках и хуторах захватили трёх человек в плен и отогнали домашний скот. Ермолай Баскаков жаловался государю, что из-за частых приходов неприятельских воинских людей город постоянно сидит в осаде. Большинство служилых волуйчан стоят в сотнях под городом. 100 волуйских рейтаров высланы в полк. В городе стало малоллюдно, ходить в походы он не смеет, опасаясь напрасно потерять людей. «А зелья, государь, и свинцу в твоей государевой казне мало, в приход воинских людей выстрелить из вестовой пищали и волуйченом для осадново времени роздать нечева». О нехватке пороха и свинца также писали в Разряд воеводы других городов¹⁷.

В конце мая русские войска, объединившись с запорожскими казаками гетмана Ивана Самойловича, подошли к Пирятину (Полтавская область, Украина. – А. Ч.). Командующий походом боярин Г.Г. Ромодановский докладывал в отписке царю, что не может послать ратных людей на помощь «польным» городам из-за дальности расстояния. Кроме того, полк для похода оказался не полностью укомплектован, так как не все города выслали людей.

Немало ратников Белгородского полка отправилось на службу в Киев, Переяславль и Запорожье. Ромодановский информировал государя, что в «польных» городах за чертой для «бережения от приходу неприятельских людей» оставлены балаклеевский полк Якова Черниговца, харьковский полк Григория Донца, в Полатове ясаул острогожского полка Яков Гаврилов с 400 казаками. Воеводам и приказным людям городов Ромодановский указал: «Ссылаясь меж себя над теми татары чинить промысел и поиск, сколько милосердый Бог помощи подаст, смотря по тамошнему делу и по людям... А которые воеводы и приказные люди в сход сами не пойдут и ратных людей никою для промыслу над воинскими людьми не пушают, и тем воеводам и приказным людям по сыску велено чинить наказанье». В Верхососенском велено срочно отстроить заново караульную башню и восстановить валовые крепости¹⁸.

Бой на речке Боровой. План ремонта вала

Тем временем, пока шла эта переписка, пять сотен татар 4 июня 7181 (1673) г. от реки Сосны пришли под Волуйку к речке Белому Сазону. У пчельников и на хуторах они захватили в плен двух сторожей, отогнали «конские и животинные стада», проломили полевые укрепления и хотели идти к городскому посаду. Воевода Ермолай Баскаков собрал волуйчан всяких чинов, взял полковой наряд (артиллерию) и выступил против неприятеля. В пяти верстах от города, на Первом Сазоне, произошёл бой, длившийся с 3 часов дня до вечера. Русские ратники убили в бою 7 татар. Выбив врага из полевых укреплений, волуйчане без потерь отошли обратно к городу¹⁹. Днём 13 июня между Новым Осколом и Верхососенским через «сквозное прогорелое место» прошли около 500 татар. Верхососенские служилые и жилецкие люди вступили в схватку с врагом и в сражении убили четырех татар. Татары закололи до смерти 12 местных жителей, взяли в плен пастухов, отогнали стада скота. На помощь верхососенцам подоспели жители Усерда. Объединенными силами они

догнали у валовых крепостей на речке Сосёнке неприятеля и завязали бой. Отступая, татары подожгли «глухую» караульную башню на валу. Рядом с башней выгорело по обе стороны по 30 сажений деревянных крепостей. 14 июня те же воинские татары в селе Солдатское, деревнях Плюхино и Завальцево Верхососенского уезда отогнали «конские и животинные стада». Таким образом, крымские захватчики проникли за Белгородскую черту на 20-30 км. Дальше углубляться они не стали, очевидно, опасались окружения. Возвращались грабители обратно через прогорелый вал ниже городка Крюка.

Через три дня татары вновь появились на валу и подожгли деревянные укрепления, при этом выгорело сажений с 200. В Новооскольском уезде степняки в деревнях по речкам Окунеевка и Котёл захватили в плен много местных жителей, отогнали домашний скот. Воинские люди окружили Волуйку со всех сторон, перекрыли все дороги и станичные стёжки (тропы). Выехать из города не могли ни вестовщики (гонцы), ни станицы (отряды станичников). Как только неприятель отошёл от города и встал лагерем недалеко в степи, Ермолай Баскаков отправил письма к воеводам и приказным людям в Новый Оскол, Усерд и Верхососенский. Он просил их о помощи, предлагал объединиться и идти вместе в поход. Усердский градоначальник отправил аналогичное предложение о совместном походе в 5 ближайших городов. Волуйчан возглавил стрелецкий и казачий голова Кузьма Шеховцов, усердян – Михаил Бешенцев, ольшанцев – сотенный голова Андрей Хобаров. Вероятно, города Верхососенский и Новый Оскол, как наиболее пострадавшие от набега, не смогли собрать для похода людей. Потом это им вменили в вину, но наказывать не стали.

Сборный отряд из трёх городов, состоявший из русских и черкас, нагнал врага на речке Боровой, недалеко от реки Донца. Вероятно, татары по Кальмиусской сакме направлялись к Боровскому перелазу (переправе). Государевы ратники вступили в бой и наголову разбили неприятеля, освободили полон, «конские и животинные стада». Оставшиеся в живых ордынцы бежали за реку. В бою были взяты в плен 8 татар. Опасаясь, что

пленников придут освобождать другие татары, наши воины их «посекли» – казнили. Андрей Хобаров в бою убил знаменосца и захватил бунчук – украшенное древко с привязанным на конце конским хвостом, служившее знаком власти. Ольшанцы также пленили татарчонка, лет 15 от роду. Бунчук и татарчонка у Хобарова отнял усердский приказной человек Михаил Бешенцев и от своего имени переслал Г.Г. Ромодановскому в полк в Суджу.

Татарчонок Есинейка Дюзеев на допросе рассказал, что разгромленный на Боровой отряд состоял из едисанских татар Гурчей-мурзы (Малый Ногай. – А. Ч.) и башкирцев, всего 400 человек. Кочевали они раньше по речке Казыму, недалеко от крымских городов Темрюка и Табана. Второй год, как пошли они под украинные города «войною собою воевать». Зимовали по разным рекам между Доном и Донцом. Захваченный под городами полон отводили в Азов и продавали. Татарчонок заинтересовались в Разряде, и Ромодановский отправил его в столицу. Через две недели после начала похода, 27 июня, служилые люди вернулись домой без потерь.

С радостной вестью о погроме воинских людей на речке Боровой воевода Ольшанска М.А. Иевлев отправил в Москву сотенного голову Андрея Хобарова. В Разряде Андрей подал отписки воеводы и свою челобитную, чтобы его пожаловали за службу денежным жалованьем и придачей поместного оклада. О своих подвигах – захвате пленного и бунчука – Андрей умолчал. Однако, из отписки воеводы М. Иевлева в Разряде стало известно, как М. Бешенцев отнял у Андрея татарчонка и бунчук. Стать героем похода воеводе Усерда не удалось. Размер вознаграждения за «сеунч» определялся путём сравнения с ранее выданным. За пример взяли «сеунч» из Коротояка, где в 1670 г. государевы люди разбили «воров и изменников донских казаков», приходивших к городу с Фролом Разиным²⁰. В конце июля по царскому указу ольшанскому сыну боярскому Андрею Хобарову дали государево жалованье 2 рубля из Большого прихода и сукно доброе из Казённого двора. Прибавление поместного и денежного оклада ему не утвердили²¹. С близкой по содержанию отпиской о походе воевода Е. Баскаков послал в Москву волуйского станичного

атамана Терентия Корякина. Терентий за радостную весть о победе на речке Боровой из Большого прихода получил вознаграждение 2 рубля²².

По приказу правительства в конце апреля 1673 г. из Воронежа на стругах вниз по Дону отправились несколько полков солдат и стрельцов под общим командованием воеводы И.С. Хитрово. Вероятно, хан Селим Гирей, опасаясь окружения и удара русских по Крыму со стороны низовьев Дона, прекратил разбой в Приосколье и повернул восвояси.

В августе 1673 г. из Разрядного приказа сделали запрос о масштабе разрушений вала между Новым Осколом и Верхососенским. Верхососенец Иван Секиотов передал в Москву следующие данные: «в новооскольском чертеже» от речки Сосёнки до городка Крюка и далее от городка Крюка до речки Серебрянки разрыто вала и выгорело деревянного ослона больше 10 вёрст, «в верхососенском чертеже» от речки Сосёнки до Верхососенского выгорело валовых крепостей 280 сажень и 2 караульные башни. Иван добавил, что в приход 13 июня татар вал был уже не цел²³.

Таким образом, на участке Белгородской черты между Новым Осколом и Верхососенским образовался проход, через который враг мог сравнительно легко преодолеть линию обороны и проникнуть на нашу землю. Требовалось срочно принимать меры для ликвидации последствий набегов и восстанавливать защитные сооружения. Воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский предложил раскопанный вал и сожжённые деревянные крепости «заделать и совсем укрепить теми ж людьми, которыми людьми то дело делано преж сего». Много ли людей можно было отыскать через 25 лет после сооружения вала? К тому же, строили вал «деловцы» из разных городов. Фактически ремонт вала возложили на жителей Нового Оскола. На помощь новооскольцам Ромодановский приказал выслать 100 «работных людей» из Старого Оскола «для того, что новооскольских крепостей валу раскопано и деревянного ослона пожжано много, и одним новооскольцом того земляного валу заделать и деревянных крепостей построить и укрепить вскоре немочно»²⁴.

Измена калмыков в 1674 г.

Калмыцкие отряды по договору («шерть») с российским правительством участвовали в боевых действиях против крымских и ногайских татар. Однако случалось, что те же калмыки изменяли присяге на верность и совершали хищнические набеги на русские поселения по Белгородской черте, а также казачьи городки на Дону, Хопре и Медведице. Они убивали и захватывали в плен людей, насиловали женщин, угоняли лошадей и скот, забирали одежду и домашнюю утварь, портили посевы, разоряли деревни и ломали деревянные укрепления. В августе-сентябре 1674 г. воеводы городов Воронежа, Верхососенска, Усерда, Нового Оскола, Коротояка и Волуйки докладывали в Москву об участвовавших нападениях калмыков и татар. Елисей Зиновьев писал в Разряд, что 3 августа под Волуйку приходили около 200 калмыцких людей. На пашнях и хуторах они убили трёх пастухов, ранили 5 человек, угнали лошадей и домашний скот. 400 служилых волуйчан преследовали и настигли неприятеля в 10 верстах от города, отбили животину, убили трёх калмыков. В бою 7 русских ратников получили лёгкие ранения стрелами из лука. 4 августа волуйчане вновь гонялись за калмыками. Но те, не вступая в бой, поспешно скрылись в степи. Через Волуйку на Дон проследовал толмач Посольского приказа Андрей Путицын, воевода Е. Зиновьев отправил с ним сопровождающими 6 станичных ездовых. На обратной дороге с Дона, недалеко от Волуйки, калмыки закололи копьями до смерти толмача и его провожатого, забрали их лошадей, рухлядь, отписки думного дворянина и воеводы Ивана Большого Хитрово и иные письма к царю. Толмача Андрея Путицына похоронили в городе²⁵. В августе калмыки совершили аналогичные грабежи и разорения в деревнях Коротоякского уезда и под Воронежем.

Из Москвы к калмыцким подданным, тайшам Аюкаю и Солом-Серею, 28 августа были посланы грамоты. Царь приказал тайшам сыскать в улусах людей, которые «воровство и убийства и грабеж и разоренья в тех украинных местах чинили» (около Волуйки, Коротояка и Воронежа. – А. Ч.), и публично казнить.

Весь полон и награбленные конские и скотские стада велено вернуть, а людям своим «накрепко» сказать, чтобы впредь к украинным городам не приходили. А если тайши будут отговариваться и упорствовать, то наведут на себя гнев царского величества, – строго подытожил в конце послания государь²⁶. Несмотря на строгие запреты, калмыки продолжали совершать грабительские набеги.

В одно время с калмыками в Среднем Приосколье действовали татары. 1 августа 1674 г. около 60 вооружённых татар приходили под Гридякин караульный острожек на черкаские хутора и поля, убили 2 мужиков и 1 женщину. Более 200 татар подъехали к земляному валу под Верхососенском. У Осиновой яруги они напали на разъезд новооскольских станичников и зарубили трёх детей боярских, на сенных покосах схватили 5 человек. Ночью татары «тайным обычаем», то есть скрытно, осматривали крепости и хотели переехать за вал, через черту. Новооскольские караульщики вступили в неравный бой, «отстреливались» и противника за вал не пропустили. В Разряд неоднократно поступали известия, что воинские люди «являются почасту» под Верхососенск и Новый Оскол.

30 сентября 1674 г. калмыки подошли к Волуйке по Посольской дороге, проломили полевые крепости у реки Волуя, убили пастуха и отогнали «животинное» стадо. Отряд грабителей насчитывал более 300 человек. Воевода Е. Зиновьев с городскими людьми отправился в поход. Стрелецкий и казачий голова Кузьма Шеховцов в сражении получил ранение. С поля боя калмыки бежали в степь в верховье речки Уразовой²⁷.

Бой волуйчан с татарами на речке Гнилуше в августе 1675 г.

О набеге воинских людей, походе и сражении воевода посылал в Разряд письменный отчёт, отписку. В некоторых случаях, чтобы собрать больше информации, в Разряде расспрашивали гонца, доставившего отписку воеводы. Данные мог также дополнить взятый в бою пленник. У «языка» пытались

выведать сведения о численности, местах расположения, планах противника. О бое волуичан с татарами на речке Гнилуше нам стало известно из трёх таких источников. 23 августа 7183 (1675) г., в понедельник в седьмом или восьмом часу дня (это время наши предки считали уже дневным, так как работать начинали с восходом солнца. – А. Ч.), с верховий речки Волюя к посаду города Волуйки приходили «воинские люди, татаровя», человек 50. На полях за крепостями они взяли в плен 13 волуичан мужского и женского пола, которые жали хлеб, и убили 2 человек. От города татары ушли вверх по той же речке. На следующий день, 24 числа, воевода Елисей Зиновьев, как было ему предписано по царскому наказу, послал в поход за татарами по их сакме (дороге) стрелецкого и казачьего голову Кузьму Шеховцова, станичных атаманов и ездоков, стрельцов, казаков и людей всяких чинов. В близкие к Волуйке города – Новый Оскол и Усерд – Елисей написал к воеводам письма, чтобы «над теми воинскими людьми, сшочись вместе, поиск учинить, сколько милосердый Бог помощи подаст». Не дожидаясь ответа, отряд волуичан начал преследование, пока татары не ушли далеко.

26 августа, в четверг, русские ратники догнали неприятеля в степи у речки Гнилуши, примерно в 100 верстах от Волуйки, и вступили в бой. В бою все 13 волуичанских пленников, а также двое усердян, были освобождены. В плен к русским попал один турок. Кузьма Шеховцов убил знаменосца и завладел знаменем. В отряде волуичан ранили одного станичника, который вскоре от ран умер. 29 мая, в воскресенье, голова К. Шеховцов с волуичанами возвратился из похода в Волуйку. Отписку воеводы, знамя и пленника доставили в Москву участник боя станичник Иван Щоткин и пушкарь Иван Волконитинов. На допросе «язык», оказавшийся янычаром и жителем Царьграда (Стамбула), сообщил немало важных сведений. Звали его Гусейном Мустафиным. Десятый год, как прислали их, 1000 «янычан» (янычар), из Царьграда для охранения Азова. А всего в Азове, сказал Гусейн, находятся около 10 тысяч пеших янычар вместе с азовскими жителями и 1000 человек конницы. Новым командующим Азова недавно был назначен мулла Гонеи-паша Сулейман, который породнился

с крымским ханом, отдав за него свою дочь. Янычарами командовал начальный человек Белиога. Город на случай осады подготовлен хорошо, вооружения и продовольствия припасено достаточно. Летом в Азове ожидали прихода «для промыслу» государевых ратных людей. Турецкий султан в подмогу городу прислал 32 катарги (галеры) янычар. Однако увидев, что азовцы живут в мире с донскими казаками, турки уплыли обратно. Государевы люди после ухода турецких судов прокопали Ерик (Казачий ерик. – А. Ч.) и с Дона на стругах вышли в море. Каланчинские башни и городок на Мёртвом Донце они обошли стороной, чтобы избежать столкновения с охранявшими их турками. Азовский паша послал 108 азовских и ногайских татар и его, турка Гусейна, к донским казачьим городкам разведать, сколько струг с государевыми людьми, куда и зачем пошли? Под казачьими городками «языков» взять татарам не удалось, и они направились к украинным городам. Под Волуйкой повезло, на полях они пленили несколько местных жителей. Два дня татарские разведчики шли обратно по степи к Азову. На третий день их догнали служилые волуйчане и в бою весь полон отбили. Уцелевшие татары всё же увезли с собой одного русского мальчика. В Азове Гусейн слышал, что крымский хан и турецкий Ибрагим-паша с войсками находятся в Польше. С польского короля они взяли половину казны, а второй половиной «поступились», то есть простили. «Да и то де, будучи в Озове, он слышал, что крымской хан и турецкие паши помирять с польским королем, замышляли с турецкими и с крымскими войски идти на государевы малороссийские и украинные городы, и на французскую землю, да под город Емень, которой непохотя быть за турецким султаном, учинился особо». Куда на самом деле они отправятся, Гусейн не знал. Турецкий султан в этот год находился в Ядрином поле и от походов и сражений с русскими отказался, потому что дочь свою выдал за «ближнего человека», Мустафу-пашу, и «обрезал» сына. К свадьбе и обрезанию из многих земель короли прислали султану большие дары. В конце допроса пленный янычар сказал: «Турской султан с крымским ханом и паши и всякие начальные и ратные люди все желают того, чтоб великий государь с ними был в миру, и войны не

желают»²⁸. Помогал расспрашивать турка переводчик из Посольского приказа Кучукай Сакаев. После допроса пленника переслали на тюремный двор и дальнейшая его судьба неизвестна.

Обследование реки Оскол

Территории в низовьях реки Оскол заселялись с большим трудом и неохотно. Русские люди «бежали» на Северский Донец в казачьи городки, там места были «людные и во всем привольные». Люди из малороссийских городов приходили жить на Оскол редко и понемногу. Хлеба они не сеяли, кормились, в основном, охотой и рыбной ловлей. Сдерживало приток населения наличие опасностей и риска для жизни в зоне постоянных военных действий. Вдоль правого берега реки проходила Изюмская сакма, вдоль левого – Посольская дорога и Кальмиусская сакма. На реке находилось множество перелазов – специально устроенных мест для преодоления водной преграды. Татары переправлялись с одного берега на другой и умело уходили от столкновения с подвижными отрядами русских ратников. По плану правительства возведение укрепленных городков и защитных сооружений на Осколе должно было повысить обороноспособность района и способствовать притоку мирного населения. Осмотр местности перед началом строительства был давней русской традицией. В начале 1676 г. волуйский воевода Елисей Зиновьев получил из Разряда грамоту. Ему поручили обследовать участок реки Оскол от города Волуйки до Царёва-Борисова, переписать броды и перелазы, сделать чертёж и высказать соображения о наиболее удобных местах строительства укрепленных городков «для береженья от приходу воинских людей». Воевода отправил на Оскол подьячего приказной избы Василия Григорьева в сопровождении станичников, «людей добрых и знающих». Подьячий описал местность и сделал чертёж. 2 февраля с пушкарем Иваном Волконитиновым воевода послал в Разрядный приказ роспись перелазов и чертёж. В росписи перечислены

перелазы с указанием расстояния от города Волуйки сухим путём и по реке, данные дополнены кратким описанием местности.

«Первой перелаз под Лысыми горами, от города Волуйки до того перелазу сухим путём 15 вёрст, а рекою Осолом 30 вёрст (далее сокращенно, 15/30 вёрст. – А.Ч.). Около того перелазу по обе стороны реки Оскола леса нет. На пол версты с кримскою сторону реки Оскола горы, лес изред, а с ногайскою сторону – степь».

Топольский перелаз, 20/40 вёрст.

Каменский перелаз, 22/44 вёрст.

Двуречанская слобода, 30/60 вёрст.

Осиновский перелаз, 40/80 вёрст.

Песчанский перелаз, 49/100 вёрст.

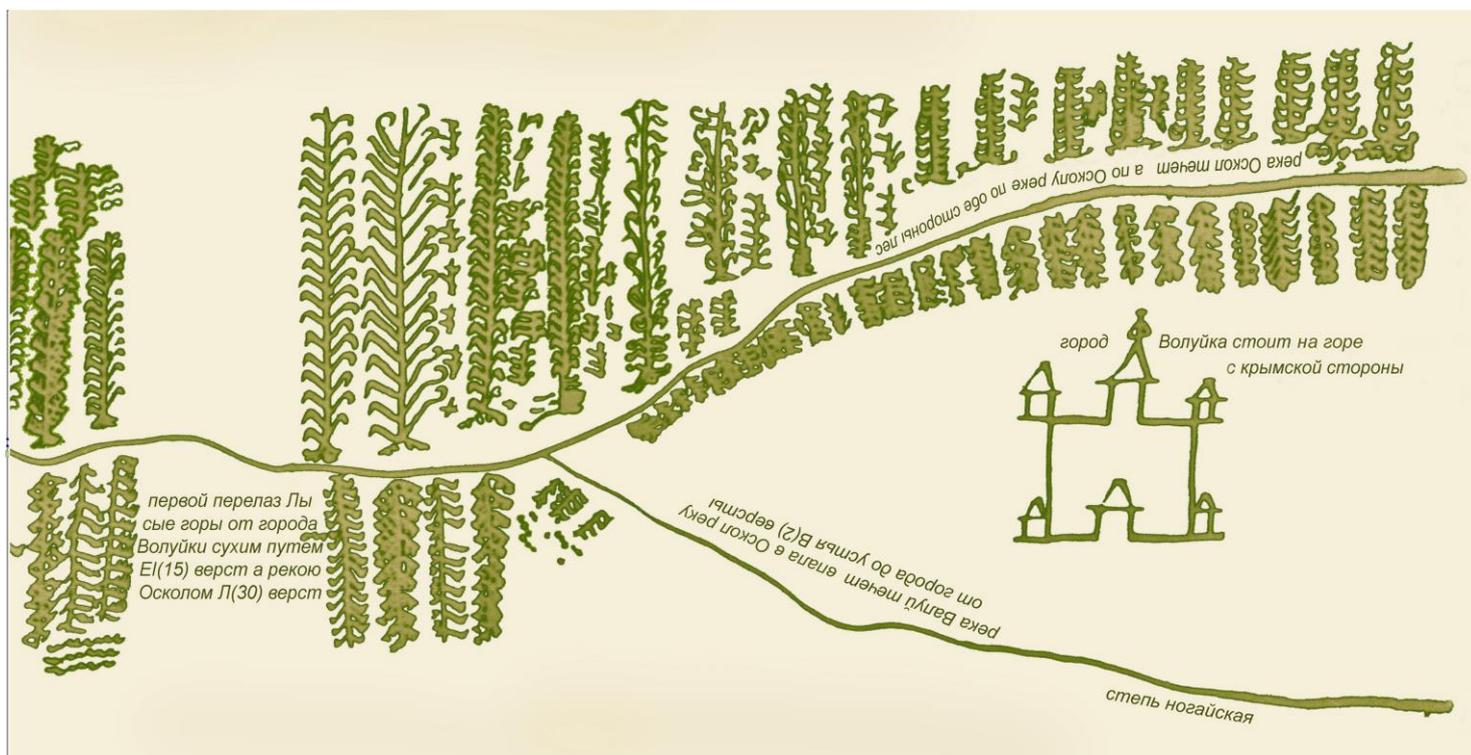
Банские полои, 52/106 вёрст, 2 перелаза, второй перелаз в 6 верстах от первого. От Банских полоев до «Гороховского пристена» 16 вёрст.

Царёв-Борисов, 120/241 вёрст.

От себя воевода добавил: «А крепостям по реке Осолу от города Волуйки до Царева-Борисова города быть немочно, потому что по реке Осолу перелазов много, а бродов нет»²⁹. К словам Зиновьева в Разряде прислушались, но от своих планов не отказались.

В 1680 г. два раза посылались экспедиции для обследования Оскола с целью построения на реке укрепленных городков и острожков, земляных валов, засек и линий надолб. Волуйский воевода Михаил Опухтин осмотрел берега и подробно описал местность. По левому берегу реки он насчитал расстояние от Волуйки до Царёва-Борисова 80 вёрст (170 км), по правому – 83 версты 505 сажень (178 км). Расстояние между городами по карте по прямой линии составляет 125 км. Почему такая разница числовых значений? Совершенных способов измерения длины в старину либо не существовало, либо они были ошибочны. Измерение расстояния между удалёнными объектами вели параллельно по реке и сухим путём. Дорога вдоль берега не строго придерживалась изгибов русла реки, поэтому расстояние по воде иногда

оказывалось в два раза больше, чем по суше. Количество вёрст зависело также от длины сажени, а в XVII в. их существовало несколько разновидностей. Планы правительства по заселению территорий вдоль реки Оскол постепенно реализовывались. До конца XVII в. на татарских перелазх были основаны: крепость Острополье (Гороховатка), слобода Сеньковка (1683 г.), Двуречный городок (около 1668 г.), слобода Купенская и Каменский городок (1680 г.).

Фрагмент чертежа 1676 г. реки Оскол.

Рисунок автора с оригинала

Набеги в 1676 г.

14 августа 7184 (1676) г. в Волуйку приехали из похода полуполковник Семён Истомин сын Елагин с рейтарами, сотенный голова Смолян-мурза Алмакаев сын Мустафин³⁰, донские казаки – атаман Фрол Минаев с товарищами. Воеводе Конану Лодыженскому они рассказали, что послал их с Дона в поход за крымскими и азовскими татарами стольник и воевода, князь П. И. Хованский. Более 800 татар пошли «воивать» к украинным городам. Русские

ратники преследовали неприятеля по его сакме несколько дней. 11 августа в верховьях реки Чёрной Калитвы произошло сражение, «билися большим боем». С поля битвы поверженные татары «поворотили назад». После нескольких дней отдыха полуполковник Семён Елагин с ратными людьми и атаман Фрол Минаев с донскими казаками отбыли из Волуйки обратно на Дон³¹.

30 сентября под Волуйкой появился отряд из 50 калмыков и татар. В Полатовском лесу они убили волуйчанина Ивана Котыганова, забрали 10 лошадей и ушли к речке Чёрной Калитве. Возвратившиеся в город с промыслов в степи Митька Шумилин с товарищами сказали, что видели отряд из 400 калмыков и татар. Обеспокоенный появлением «больших» воинских людей недалеко от Волуйки, воевода К. Лодыженский написал в Разряд и в Белгород Г.Г. Ромодановскому³². Из Разряда в города на черте и за чертой воеводам и приказным людям незамедлительно последовал приказ: «Над воинскими людьми промысел и поиск чинить и в дальние места их не пустить, а себя и ратных людей уберечь, и тамошних мест воивать и разорять не дать».

Ночью 4 октября калмыки «роскопали и розрыли» земляной вал между Новым Осколом и Верхососенским, прошли на русскую сторону, захватили в плен людей и отогнали конские стада. Воевода Нового Оскола Андрей Щепотев послал в поход своего сына Фёдора с новооскольцами городской службы. Русские ратники нашли воинских людей на речке Белом Колодезе, освободили полон и конские стада и выбили неприятеля за валовые крепости. В Разряде расспросили волуйского гонца, пушкаря Степана Шумилина, по дороге в Москву заезжавшего в Новый Оскол. Новооскольцы рассказали Степану, что 4 октября калмыки, человек 40, перешли через вал и на полях убили 10 человек. Степан видел, что на валу и в крепостях новооскольцы несли караульную службу. По вестям в соседнем Верхососенском стреляли из пушки³³. В Разряде таким образом старались больше узнать о набеге и выявить просчёты в караульно-сторожевой службе.

В результате набега калмыков под Новый Оскол вновь был поврежден земляной вал. Из Разряда воевода Нового Оскола Андрей Щепотев получил

грамоту с наказом, чтобы «жил с великим береженьем и опасеньем». «А буде объявятца воинские небольшие люди, и ты б с ведома боярина и воиводы князя Г.Г. Ромодановского с товарищи, и ссылаясь тамошних городов с воиводы и с приказными людьми, и собрався многолюдством, обозом за теми воинскими людьми в поход ходил, и промышлял, и поиск чинил ис крепостей, высматривая, чтоб... себя и ратных людей убересть, и на больших людей не найтить». Испорченные места, где воинские люди вал прокопали и проломали, велено заделать служилым новооскольцам городской службы, «чтоб впредь теми месте через вал воинским людям проходу не было». А воеводе Г.Г. Ромодановскому велено в помощь новооскольцам направить ратных людей из своего полка³⁴.

Андрей Щепотев заступил на службу воеводой в марте 1676 года. В октябре того же года Андрей письменно сообщил командованию в Курск, что тяжело болен, лежит при смерти «многое время», управлять городом некому. Жители Нового Оскола хлопотали, чтобы разрешили «городом ведать и меж ими расправу чинить» его сыну, Фёдору Щепотеву. Ромодановский повелел Фёдору управлять городом по наказу из Разряда, пока его отец от болезни «не отможетца». Но Андрей Щепотев 1 ноября умер³⁵.

Казаки полка Григория Донца охраняли перелазы и броды на реках Северском Донце и Осколе. На разведку в степь непрерывно высылались проезжие станицы. 10 октября на речке Орчик полк вступил в бой с отрядом из 500 калмыков, который шёл «войной» к Валкам и Богодухову. Поверженного противника казаки преследовали до речки Берестовой и Северского Донца. 11 октября под Волуйку «изгоном» по Московской дороге от «больших людей» приходили 20 калмыков и татар. На реке Сазоне они убили Ивана Проскуракова, ранили 4 волуйчан, забрали у них 12 лошадей и поспешно скрылись в степи³⁶.

Воеводы и приказные люди городов по черте докладывали в Разрядный приказ, что вал во многих местах осыпался, и «ослон огнил». Князь Г.Г. Ромодановский получил из Москвы приказ о ремонте вала. Для работ ему

разрешалось привлекать людей городских служб. Он отвечал, что собрать никого не может, так как многие люди в разъездах: доставляют отписки, сопровождают подводы с хлебными запасами, трудятся гребцами, строят струги в Воронеже. Спрашивал у государя, кого ему направить на починку вала? Из Разряда отписались, чтобы земляной вал и деревянные крепости по черте «заделать и со всем укрепить против прежнего людьми, которыми то дело делано наперед сего»³⁷. В очередной раз российские власти уходили от решения вопроса по укреплению обороны южной окраины.

Нашествие татар на Приосколье в 1677 г.*

Летом 1677 г. правительство царя Фёдора Алексеевича распорядилось отвести русские войска от Азова и заключило с турками перемирие. Вряд ли решение об отзыве войск из-под Азова было правильным решением с военной точки зрения. Сколь крупных успехов государевым ратникам и казакам в Приазовье добиться не удалось. Однако в 1673-1677 гг. они своими действиями отвлекали на себя значительные силы турок и татар. Теперь же турецкое правительство получило возможность бросить азовский гарнизон и татар на Украину и к городам Белгородской черты. Уже в середине июля, когда в Курске Г.Г. Ромодановский собирал русские войска для похода к Чигирину, под Новым Осколом произошло столкновение русских воинов с татарами. Пленный татарин показал, что численность отряда под командованием мурзы Амет-Аги составляла 1000 человек. Сначала они охраняли Азов от донских казаков, а затем мурза повёл отряд «в войну» под Новый Оскол. По мнению воронежского историка В.П. Загоровского, время для диверсии было выбрано Амет-Агой не случайно. Помимо обычного захвата пленных, набег татар имел целью затруднить сбор русской армии и выступление её к Чигирину навстречу вторгшимся на Украину турецким войскам³⁸.

* автор выражает благодарность Игорю Якунину (Москва) за помощь в сборе и обработке материалов по Верхососенску.

Непередаваемой болью и драматизмом событий наполнен документ воеводы города Усерда Максима Селиванова о нашествии татар в Среднее Приосколье. В отписке царю Фёдору Алексеевичу воевода сообщал, что о нагрянувшей беде он был извещён заранее верхососенским воеводой Никифором Люшином. Следовательно, несколько часов для подготовки к встрече с врагом у жителей Усерда было. Утром 10 июля «воинские люди татаровя» прошли через вал между Новым Осолом и Верхососенском. Видимо, затем большой отряд «рассыпался» на несколько мелких, чтобы охватить разбоем город Верхососенск, слободы, деревни и сёла уезда. Один из отрядов пошёл вниз по речке Усердцу к городу Усерду. У моста татары отогнали 2 стада домашних животных. Воевода М. Селиванов со служилыми усердянами ходил в поход, отбил стада и прогнал неприятеля от города. В Верхососенском и Новооскольском уездах воинские люди захватили значительный полон – 525 мужчин, женщин и детей. Усердский воевода послал в поход против крымских разбойников 300 служилых людей под командованием подьячего Семёна Александрова. Татары с полоном и скотом 17 июля начали перебираться обратно через валовые крепости. Отряд ратников зашёл вёрст на 20 вперёд и устроил на пути ордынцев засаду в урочище Сенной дубраве, между Волуйским лесом и «Сосенскими верхами» (вероятно, где-то в верховье реки Сенной, около села Фошеватое. – А. Ч.). На переправе речки Сосёнки русские атаковали, татары ответно ринулись в бой. Не выдержав натиска превосходящего силой врага, усердяне отошли в дубраву. Сражение в лесу продолжалось с полудня до наступления сумерек. «И, пешась, оне, воинские люди, с вогненным боем хатели их побить, а достольных в полон разобрать». Степняки окружили государевых людей, «и приступы, де, были к ним жестокие с чатырех старон». Обычное вооружение татарина – лук со стрелами и сабля, наличие ружей являлось большим новшеством. Можно предположить, что позиции у русских оказались более выгодными, так как в бою многие татары были ранены и убиты. Усердяне потеряли одного убитым и 11 человек раненых.

В час ночи татары отступили и ушли прежней сакмой (дорогой) в степь. «И шли они всю ночь», наши воины для безопасности проследили за отходом

противника. По смете в бою участвовали 800 и больше татар. С радостной вестью о победе усердский воевода послал в Москву двух детей боярских. Через несколько дней один из них вернулся обратно в город. Оказывается, по дороге на гонцов напали разбойники, одного гонца убили, второго изранили, забрали их лошадей и отписку к государю. Воевода послал вестовое письмо в Москву повторно. Государь, узнав об успешном отражении татарского набега на речке Сосёнке, воеводу и всех участников боя «жаловал, милостиво похвалял»: «И они б и впредь великому государю служили и от воинских людей бережение несли усердно». Всем раненым ратникам велено дать жалованье на лечение из таможенных и кабацких доходов: за лёгкие раны – 1 руб., за средние – 1,5 руб., за тяжёлые – 2 рубля. О тяжести полученных ран можем судить по следующим строкам: «Сын боярский Иев Васильев сын Псарев ранен из лука в обе ноги, ниже поясницы и выше колена, правая нога вскользь ходит, худа. Дано государева жалованья 2 рубля... Станичник Микифор Трофимов сын Рыжев ранен из лука в голову, в висок подле уха, и от той раны ослеп. Дано государева жалования 2 рубля... Стрелец Василий Андреев ранен ис пищали в правое плечо, другая рана в тое ж руку, ниже локтя, раны тяжелы. Дано государева жалования 2 рубля. Черкашенин Роман Иванов ранен из лука в правую ногу навскрось на детесницы выше колена, рана тяжела. Дано государева жалования 2 рубля»³⁹. В конце июля в Верхососенск вернулись два полоняника, которым удалось бежать от татар во время ночной стоянки на реке Айдар. Слышали они от ордынцев (понимали их язык), что те собираются отвести полон и скотину дальше в степь и воротиться для разбоя в иные украинные города.

Страшные испытания пришлось вынести верхососенцам во время этого опустошительного татарского набега. Чудом вырвавшиеся из неволи 11 человек подались в Москву «бить челом о своей нужде и разорении» и просить государя о помощи. Некогда гордые и мужественные воины шли на поклон к царю и считали его последней своей надеждой в избавлении от бедности и нужды. В челобитной они писали: «И живучи на Москве, нам пить-есть нечево, помираем голодную смертью». Неизвестно, получили ли просители реальную помощь в это тяжёлое для страны время. На обороте их челобитной разрядный подьячий

поведал нам о царском решении: «7186 (1677) декабря в 19 день по указу великого государя... послать память в приказ Большого Дворца: велю (верхососенцев. – А.Ч.) накормить и напоить...»⁴⁰

В 1677-1678 гг. на Украине развернулись решающие сражения. 28 августа (7 сентября) 1677 г. под Чигириным армия Ромодановского и Самойловича разбила и заставила отступить турецкие и крымские войска. На следующий год турки настаивали на реванше. После упорной обороны русские взорвали цитадель и покинули Правобережье Днепра.

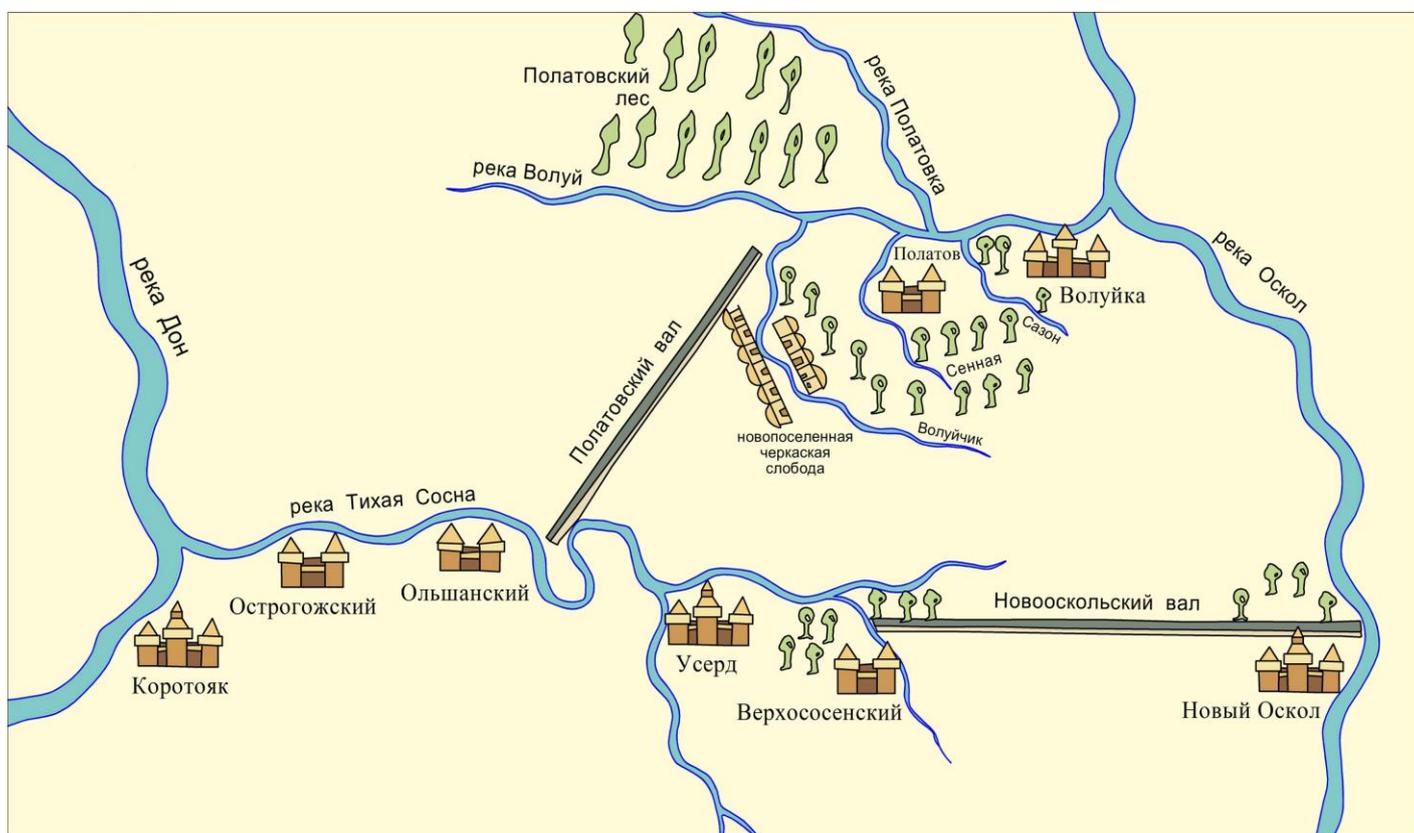
Полатовский земляной вал

Многочисленные прорывы татарами и калмыками Новооскольского вала в 1673-1677 гг. показали, что данный участок Белгородской черты нуждается в укреплении. Попытки правительства возложить починку вала на жителей Нового Оскола не принесли желаемого результата. Поначалу ставилась относительно несложная задача: закрыть образовавшийся проход в черте, к которому постоянно устремлялся враг. После всестороннего изучения вопроса в Разрядном приказе решили старый, разрушенный вал не восстанавливать, а строить новый, от Усерда к Полатову.

В возведении Полатовского вала принимали участие люди городской службы и крестьяне ближайших городов. Например, в 1679 г. на «валовое дело» к руководителю строительства Я.С. Борятинскому выслали 60 волуйчан: 2 станичных атаманов, 12 станичных ездоков, 10 конных стрельцов, 5 пеших стрельцов, 19 полковых казаков, 6 пушкарей и затынщиков, 5 черкас, 1 монастырского крестьянина. Волуйчане «били челом» о разрешении им вместо работы на валу продолжить строительство волуйских полевых крепостей и городских башен⁴¹. Просили освобождения от работ на валу жители и других городов. Росло число случаев дезертирства.

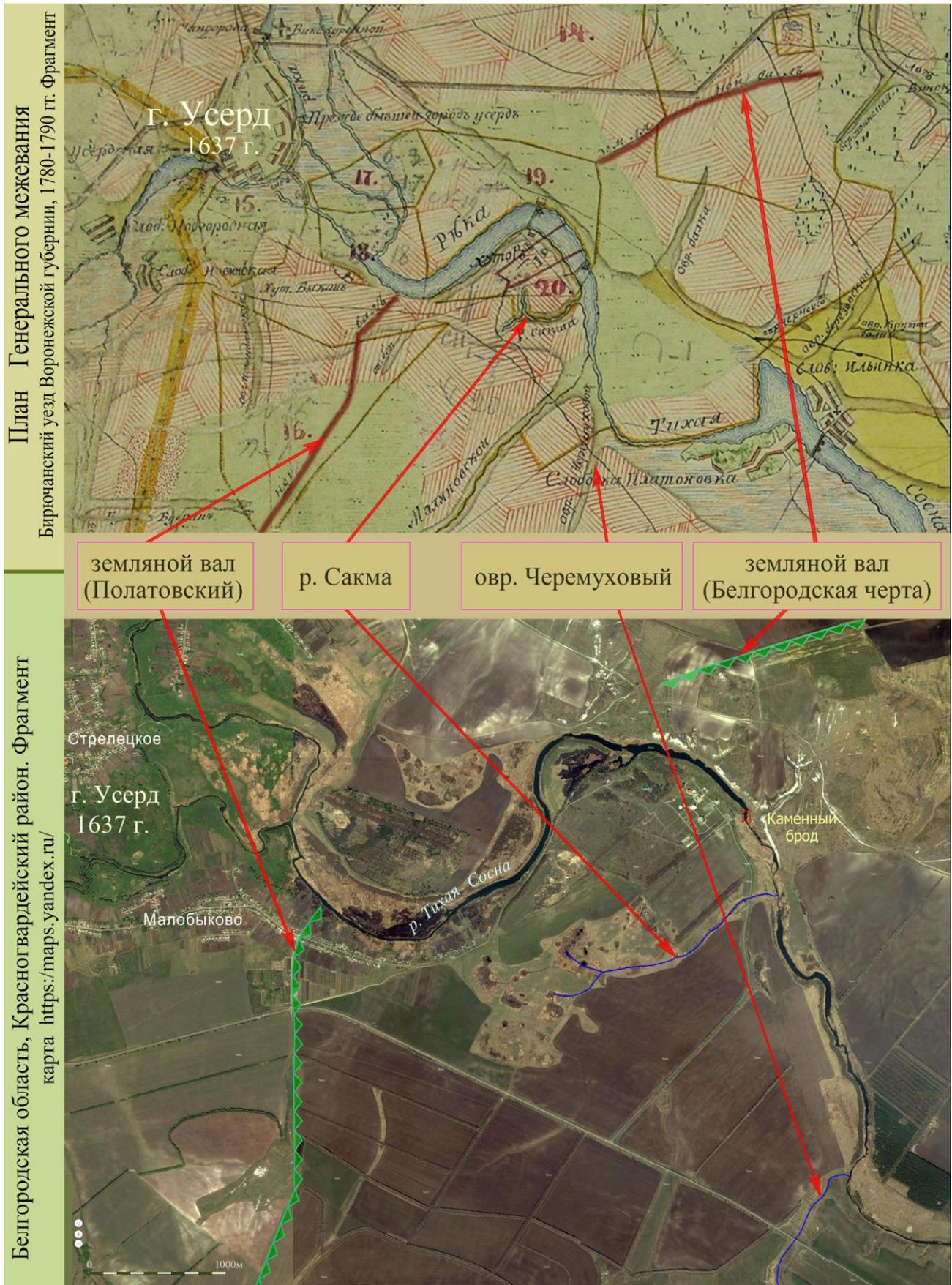
В первый год организовать сооружение Полатовского вала должным образом не удалось. Для ускорения дела на валу Разрядный приказ разрешил привлекать полки, собранные на территории Белгородского разряда. За летний сезон 1680 г. около 11 тысяч ратных людей под руководством П.В. Шереметева

возвели между Усердом и северной оконечностью Волуйского леса восточнее Полатова земляной вал общей протяженностью 13038 сажень (28 км). Ширина вала в основании составляла 3 саж. (6,4 м), ширина вверху 1 саж. (2,16 м), высота 2 саж. (4,3 м), ширина рва перед валом 3 саж. (6,4 м), глубина 2 саж. (4,3 м). Примерно через каждые 150 м на валу были сделаны «зубцы» – остроконечные выступы, обращённые в сторону неприятеля, для ведения флангового огня. На северной и южной оконечности вала строители возвели деревянные башни с проездными воротами, 5 сторожевых острожков. Охрану вала поручили служилым людям Усерда, Верхососенска, Ольшанска и Нового Оскола. Через год в соответствии с планами правительства на южной оконечности вала черкасы под руководством Василия Ливенца основали город Новый Полатов (совр. слобода Ливенка. – А. Ч.)⁴². В наше время вал на некоторых участках неплохо сохранился и производит величественное впечатление, напоминая о славных подвигах наших предков. Он показан на современных топографических картах под названием «Турецкий вал».

Новооскольский и Полатовский валы на карте конца XVII в.

Рисунок автора⁴³

Место стыковки Полатовского вала с Белгородской чертой.

Реконструкция автора

Турецкий (Полатовский) вал⁴⁴

Снижение активности боевых действий в 1679-1680 гг. в русско-турецкой войне позволило российским властям организовать и провести масштабные военно-инженерные работы на юге страны. Строительство Полатовского вала из мероприятия местного значения переросло в сооружение мощной 530-километровой укрепленной линии. С различной интенсивностью работы на черте продолжались до 1690-х годов. Новая черта, впоследствии получившая название «Изюмской», начиналась от ранее построенной Белгородской черты: от города Усерда к городам Полатову и Волуйке, по реке Оскол к Царёву-Борисову, далее по Северскому Донцу до Змиева и Валок, от Валок к Коломаку. Она защитила от татарских вторжений уже существующие поселения и создала благоприятные условия для освоения новых земель. Черта проходила по территории современных Белгородской области России и Харьковской области Украины.

Волуйскую крепость с полевыми укреплениями около города включили в новую черту. В июне 1679 г. у воеводы Конона Лодыженского дела принял

стольник и воевода Михаил Опухтин. В «рописном списке» новый градоначальник перечислил земляные и деревянные сооружения крепости, которые «огнили и оболялись» и поэтому нуждались в ремонте. Воевода особо отметил неудовлетворительное состояние надолб – заграждений в поле от конницы неприятеля, на 8674 саженьях (18,5 км). Они во многих местах подгнили, сгорели от степных пожаров и «от воинских людей разломаны». В декабре из Разряда М.А. Опухтин получил грамоту, по которой ему предписывалось предварительно с «выборными лутчими и знающими людьми» обследовать и составить опись крепостей, нуждающихся в починке, и указать, где поставить новые, «без которых быть не мочно». Все работы велено сделать волуйчанам «по розвытке по весне вскоре и усмотря времени, в которое время приходов воинских людей не будет, и меж деловые и пашенные поры, чтоб им грацким людем в пашенное время тягости и убытков не учинить». По окончании работ воеводе составить сметную роспись и переслать в Разряд.

В Волуйке люди городской службы до 21 ноября 1680 г. построили амбар для оружейной казны и пушечных припасов, у восьми башен «нарубили верхи» и покрыли новым тёсом, отремонтировали «мосты» (полы, перекрытия), у двух башен вверху соорудили «клетки» для наблюдения за местностью. За рекой Волуем около Черкаской и казачьей Царегородской слободы для того, чтобы воспрепятствовать проходу воинских людей, строители поставили 885 саженьей надолб. По отдельному указу боярина и воеводы П.В. Шереметева по «Полатовской черте» (так местные жители называли не всю черту, а свой участок. – А. Ч.) от Горного Волуйского леса до Царегородской слободы волуйчане сделали 500 саженьей дубовых надолб «в две кобылины с поперечными и косыми переметины». Для походов они подготовили 3 новые пушки на станках и вертлюгах, колёса оковали железом. Государь «жаловал, милостиво похвалял» воеводу Опухтина за хорошую службу⁴⁵.

Окончание войны

В Москве опасались нового похода османских войск и искали пути для заключения мира. Осенью 1680 г. в Крым к Мурад Гирею для ведения переговоров были посланы опытный дипломат стольник Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов. В это время в Москву поступали тревожные известия о готовящемся крупном вторжении татар. Донской атаман Фрол Минаев с низовыми казаками ходил в разведку на крымские и ногайские шляхи. Взятые в бою «языки» показали, что крымские калга Аджи Гирей и сын хана Дил Гирей с крымской и белгородской ордой вместе с ногайцами идут «большим собраньем по зимнему пути» войной под украинные города. То же самое подтвердил станичный атаман Поздей Степанов и перешедший на русскую сторону татарин.

В начале января 1681 г. в Волуйке дела у М.А. Опухтина принял стольник Василий Дмитриев, который назначался «сходным воеводой» (сходные воеводы были также в Белгороде и Чугуеве. – А. Ч.). В его подчинение поступали 731 волуйчанин полковой и городской служб, а также направленные в город «прибавочные люди»: из Острогожска полк казаков-черкас и урядников под командованием полковника Ивана Саса – 1265 человек, 732 детей боярских городской службы из разных городов, 218 станичников и казаков, 214 стрельцов, 23 драгуна и пушкаря, всего 2452 человека. В марте воевода Дмитриев получил наказ о службе из Разрядного приказа. Людям полковой службы приказывалось «к службе строиться и быть одноконечно во всякой готовности», в Москву и иные места ни по каким делам не разъезжаться и ожидать вызова в свой полк. За невыполнение приказа ослушников ждали опала и ссылка с семьями на вечное житьё в Киев в солдаты. Поместья и вотчины при этом у них отнимали и передавали беспоместным людям. Волуйчанам городской службы повелевалось жить с великой осторожностью, организовать разведку и быть в полной готовности к походу. О приходе «больших турецких, крымских и калмыцких воинских людей» В. Дмитриеву

было приказано сообщать в Москву и воеводе Белгородского полка князю П.И. Хованскому. При появлении неприятеля всем ратным людям, находящимся в Волуйке, велено выступать в поход «как лутче и осторожливее, и во всем бережливее»⁴⁶.

Предполагаемый татарский набег на русские земли зимой 1681 г. не состоялся. Крымский хан Мурад Гирей счёл для себя выгодным заключить с Россией мир. Вести о заключении 3 января в Бахчисарае 20-летнего перемирия дошли до Москвы только в апреле. В Константинополе договор утвердил турецкий султан. Турция признавала право Москвы на Левобережную Украину и Киев. Россия обязана была возобновить выплату контрибуций крымскому хану, а он, в свою очередь, обещал не тревожить наши южные границы. Москве удалось избежать крупного поражения в войне и сохранить свои владения.

Из войска Запорожского, от гетмана обеих сторон Днепра Ивана Самойловича пришли в Москву вести, что турецкий султан ранней весной 1681 г. всеми силами собирается идти войной под Киев. Но сведения опять не подтвердились.

В июле 1681 г. на Яик (Урал) к атаману Прокофию Семёнову и казакам прибежали от калмыцкого Аюкая-тайши два ясыря (невольника, пленника. – А. Ч.) Они рассказали, что многие калмыцкие люди пошли воевать на Волгу и под украинные города. Вести поступили в Москву. Срочно из Разряда в Белгород и соседние города были разосланы «опасные» грамоты. Тем временем, в августе 1681 г., воеводу В.М. Дмитриева сменил Григорий Кобяков. Ему с волуйчанами полковой и городской служб по наказу из Разряда предписывалось оберегаться от воинских людей, вести разведку и быть готовыми к походу. При появлении неприятеля сообщать вести в Разряд. Князю П.И. Хованскому и воеводам «податных» к Волуйке городов действовать по обстановке сообща с «прибавочными» русскими людьми и черкасами. Военная задача ставилась следующая: не пропустить врага через черту «и тамошние все места от приходу их уберечь»⁴⁷.

Судьба волуйского подьячего Дементия Елдина

Война по-разному влияла на судьбы людей. Расскажем об одном подьячем, чья жизнь показалась нам необычной и занимательной. Из Москвы в Крым для ведения дипломатических дел направлялись царские посланники. Вместе с посланниками несли службу подьячие, которые занимались в основном оформлением бумаг и перепиской. В 1673 г. вместо умершего подьячего по указу царя Алексея Михайловича в Крым был направлен подьячий волуйской приказной избы Дементий Елдин. Находился Дементий в Крыму до 25 декабря 7190 (1681) года. После окончания войны и возвращения домой Дементий подал челобитную царю Фёдору Алексеевичу. В ней он изложил, как в Крыму «всякие государева дела делал непрестанно, и одолжал, и всякую нужду, и голод, и тесноту терпел большую». Жалованье ему в это время в Волуйке не шло. На словах в Разряде Дементий добавил, что человек он «оскудалый», с женой и детьми «скитается меж двор» – совсем обнищал и жилья своего никакого не имеет. Просил государя пожаловать и отпустить его в городок Маяцкий на Северском Донце служить вместо Матвея Щеголева и дать о том «отпускную грамоту» и наказ. Государь указал в Разряде боярину и воеводе Михаилу Юрьевичу Долгорукову рассмотреть дело и издать указ.

В Разряде сделали выпись: в Маяцком на службе русских – 180, черкас – 109 человек. В конце грамоты стоит дьячья помета, чтобы великий государь пожаловал Дементия Елдина «за крымскую нужную посылку» и велел быть ему в Волуйке у стрельцов и казаков головой. Должность головы – вторая по значимости после воеводы, с соответствующим денежным и поместным окладом. До Дементия в Волуйке головой служил поручик рейтарского строя из Ливен Прохор Семёнов сын Косьянов. Под его командованием в Волуйке находились 57 пеших и 93 конных стрельцов, 109 казаков, всего 259 человек. В сентябре 1680 г. за службу, за «полонное терпенье» и за раны Прохора отпустили домой. В Ливнах навели справку: сын Прохора сказал, что отец

вернулся и служит в городской службе с открытой раной, поместной земли за ним 170 четий, угодий никаких нет.

К разрядной грамоте приложили выпись из Посольского приказа, в которой подтверждалось, что Дементий Елдин был послан с государевым посланником для посольских дел в Крым и находился там с 1673 по 1681 год. Находясь на положении пленника, он, очевидно, испытал немало тягот и лишений. 16 февраля 7190 (1682) года М.Ю. Долгорукий «учинил» указ и велел Дементию за службу и за «полонное терпенье» быть в Волуйке стрелецким и казачьим головой⁴⁸.

Назначение на должность состоялось, и 10 июля того же года по указу государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича стрелецкий и казачий голова Дементий Елдин в Волуйке «привёл к вере» служилых и жилецких волуйчан⁴⁹.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 317. Л. 246.

² Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 162, 192-195.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 230. Л. 220-221.

⁴ Марков Е. Валы засечной черты по реке Тихой Сосне (местное исследование). Труды Воронежской учетной архивной комиссии. — Воронеж, 1904. — Т. 2.

⁵ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. — М., 1994. — С. 69-70.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 250. Л. 538-542.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 848. Л. 408-410, 420.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 94. Л. 15-45.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 250. Л. 230-231.

¹⁰ Там же. Л. 232-234.

¹¹ Там же. Л. 235-242.

¹² Там же. Л. 498-499, 613-617.

¹³ Там же. Л. 532-533.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 795. Л. 271-272.

¹⁵ Там же. Л. 33.

¹⁶ Раздорный острог, 1637 г. Получил название по расположению – напротив «Сосенских роздор», месту, где сливаются истоки реки Тихой Сосны. В 1643 г. усердяне просили перенести острог к Гридякину колодезю. После строительства Гридякина городка Раздорный приказано «разметать». Информацию предоставил Юрий Ткаченко, Тула, www.wesela.ru

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 795. Л. 274-279, 384-388.

¹⁸ Там же. Л. 280-282.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 772. Л. 136–139.

²⁰ Фрол Тимофеевич Разин – донской казак, активный участник и один из лидеров крестьянской войны под предводительством атамана Степана Тимофеевича Разина. В апреле 1671 г. на Дону схвачен вместе с братом и выдан царскому правительству.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 795. Л. 133-137, 180-183, 240-243, 466-468.

²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 772. Л. 140–141.

²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 795. Л. 246-247.

²⁴ Там же. Л. 244-245.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 948. Л. 455-456.

-
- ²⁶ Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672-1675 гг. ИРИ РАН Калмыцкий институт гуманитарных исследований. — Элиста, 2003. — С. 119-122.
- ²⁷ Там же. — С. 160-163.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 827. Л. 13-25.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 827. Л. 460–474 (на л. 465-466 чертеж).
- ³⁰ Мустафины – княжеский род, потомки казанского царевича Муртазы Мустафина.
- ³¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 827. Л. 475.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 848. Л. 214.
- ³³ Там же. Л. 215, 406-407.
- ³⁴ Там же, л. 235-240, 240 об.
- ³⁵ Там же. Л. 465-466.
- ³⁶ Там же. Л. 458-460.
- ³⁷ Там же. Л. 216-224, 461-464.
- ³⁸ Загоровский В.П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — С. 86, 92.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 872. Л. 666-679.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1102. Л. 306-307.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 700. Л. 516-525.
- ⁴² Загоровский В.П. Изюмская черта. — Воронеж, 1980. — С.130.
- ⁴³ На карте юг – сверху, север – снизу. Нахождение оригинала неизвестно.
-

⁴⁴ Фото с сайта <https://ssl.panoramio.com/photo/91624492>. Автор Стихия, дата съемки 29.05.2013.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1155. Л. 272-274.

⁴⁶ Там же. Л. 14-17, 308-309, 514-518, 558-561.

⁴⁷ Там же. Л. 907, 975-978.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1021. Л. 113-117.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 95. Л. 159-165.
